

Это был Лю Сань:

— Ван Цзюнь, хозяин.

— Что случилось? — Вэнь Жунь поднял глаза на него.

Когда они только пришли, все его люди остались у входа в палатку, понимая, что Вэнь Жуню нужно поговорить с Ван Цзюнем наедине, и потому деликатно отошли в сторону.

Значит, сейчас что-то произошло снаружи?

— Хозяин, старый писарь сказал, что наши документы в порядке. Он передал вам бумаги и пригласил нас остаться на обед и переночевать. Завтра с утра поели — и в путь! — сообщил Лю Сань. — Сказал, что в лагере надолго задерживаться нельзя.

— Понял, — Вэнь Жунь провёл рукой по лицу. — Заносите всё сюда.

— Есть! — Лю Сань тут же вышел.

Когда он ушёл, Ван Цзюнь нахмурился и тихо сказал Вэнь Жуню:

— В следующий раз не приезжай. Это не место для книжного человека вроде тебя.

— Если я не приеду, как я тебя увижу? — Вэнь Жунь вздохнул. — Раз уж продовольствие привезли, теперь ты будешь жить здесь один. Не вешай больше солёное мясо — заведёшь крыс.

— Придут крысы — так и прибьём! Это же весь наш жир в лагере! — Ван Цзюнь упрямо стоял на своём.

— А мои вяленые колбасы и копчёности, что я тебе привёз, что, вместе с ними вешать? Так нельзя, — Вэнь Жунь сменил тактику. — Если тебе здесь предстоит служить ещё пять-восемь лет, я время от времени буду навещать тебя. Но как ты так можешь жить? К тому же на этот раз братья хотели поехать со мной, но я не разрешил.

— Только не пускай их сюда! — Ван Цзюнь понизил голос и придвинулся ближе к Вэнь Жуню. — Здесь сейчас не хватает людей. Вдруг их придержат здесь...

— Не удержат, — Вэнь Жунь был совершенно уверен в себе. — Я цзюйжэнь! Разве они посмеют бросить вызов всему Поднебесному порядку и удерживать меня здесь на службе? Кому я тут нужен? Учёт воинских заслуг ведут военные чиновники и военные судьи; бухгалтерией занимаются писцы и тыловые офицеры. Меня даже не станут использовать! Неужели думают,

что я пойду на поле боя?

Ван Цзюнь запнулся. Такой человек, как Вэнь Жунь, — хрупкий, не способный ни носить тяжести, ни работать руками, — разве может идти в бой?

— Если такой, как ты, окажется на поле боя, значит, вся наша армия уже погибла! — сквозь зубы процедил Ван Цзюнь. — Так что всё равно не пускай их сюда.

Он уже настрадался сам — хватит одного несчастного в семье. Пусть остальные спокойно сидят дома и учатся у этого парня.

— Ничего страшного, мы будем навещать тебя, когда появится возможность, — мягко сказал Вэнь Жунь. Он чувствовал: Ван Цзюню нужна поддержка семьи. Тот ведь пришёл сюда против своей воли, а теперь, когда дома всё наладилось, как можно забыть о нём?

В конце концов, он — часть семьи. Даже если сейчас он далеко, он всё равно остаётся родным.

Они как раз об этом и говорили, когда в палатку вошли наёмные работники.

Лю Сань заглянул внутрь и сразу нахмурился:

— Кажется, всё не поместится.

Места и так мало, да ещё и солёное мясо висит повсюду, отчего палатка пропитана жирным запахом.

А вещей они привезли немало.

— Раз уж продовольствие прибыло, мне больше не нужно экономить, — решил Ван Цзюнь. — Это мясо я сейчас же уберу.

Он тут же вышел и громко крикнул. В палатку ворвались десяток человек, каждый схватил по два куска солёного мяса и вынес наружу. Потом пришли ещё несколько человек и в мгновение ока перенесли остатки мяса в соседнюю пустую палатку.

Тогда Вэнь Жунь махнул своим людям:

— Заносите всё сюда!

Сначала они вынесли из палатки Ван Цзюня всё лишнее, потом принесли горячую воду, вымыли пол, протёрли стены — устроили настоящую генеральную уборку.

К счастью, пол был земляной. Вэнь Жунь велел снять верхний слой земли, засыпать сухим песком, сверху уложить толстый слой сухих деревянных брёвен, уложенных вразнобой, затем постелить циновку из рисовой соломы и поверх неё — войлочный коврик, привезённый с собой. Теперь пол стал не только тёплым и сухим, но и надёжно защищённым от сырости.

Потом они прикрепили к внутренней стороне полога палатки куски высушенной бычьей кожи. Теперь она стала куда плотнее: не продувалась ветром, лучше защищала от солнца и почти не пропускала воду.

У них было мало времени, но работали все вместе — даже Вэнь Жунь и Ван Цзюнь.

Ван Цзюнь, убирая, ворчал себе под нос:

— Ты чего творишь? Дом сюда перетаскиваешь?

— Мне здесь можно остаться только на одну ночь, — Вэнь Жунь, руководя работами, одновременно объяснял Ван Цзюню, — постараюсь всё закончить до ужина. Если не привести это место в порядок, летом у тебя точно вылезут мокнувшие лишай и потница.

Вэнь Жунь отлично знал, насколько влажен климат в Цзяннане во время сезона сливовых дождей. Поэтому он специально привёз с собой мешок негашёной извести и теперь рассыпал её поверх сухого песка — чтобы впитывала влагу и отпугивала всяких земляных крыс и прочую живность, которая могла бы прогрызть дыры. А уж если такая тварь укусит — всё, конец всему.

К счастью, постельные принадлежности Ван Цзюня требовали лишь просушить на солнце — в целом они были чистыми.

Только что высушили одеяло, как Ван Цзюня срочно вызвали.

Когда Вэнь Жунь почти закончил уборку и привёл палатку в состояние, пригодное хотя бы для одной ночёвки, как раз наступило время ужина.

Ван Цзюня вызвали ещё в процессе уборки — на самом деле, чтобы поручить ему организацию ужина.

И ужин сегодня действительно оказался по-армейски суровым: каждому выдали по миске риса, похожего скорее на густую рисовую кашу. Главное, что сварено — а считать ли это рисом или кашей, решал каждый по-своему.

И по миске овощей — да, именно «овощей»: нашинкованная белокочанная капуста, нарезанный репчатый лук и редька, всё это потушили вместе. На сей раз повезло чуть больше — говорят, для за жарки использовали кусок солёного мяса, так что в блюде даже мелькнул намёк на жирок.

— И то неплохо! — Ван Цзюнь разделил свою половину курицы с Вэнь Жунем. — Сказали, раз продовольствие прибыло, весь лагерь сегодня ест курицу — по полкурицы на человека. Спасибо вам, благодаря вам мы хоть разок поели мяса.

Но сможет ли Вэнь Жунь съесть эту половину курицы?

— Я столько не осилю, — вежливо отказался Вэнь Жунь, взяв лишь одно крылышко, а остальное положил обратно в миску Ван Цзюня. — Ешь сам.

Они сидели в уже прибранной маленькой палатке Ван Цзюня. Вэнь Жунь устроился на единственном деревянном чурбаке, перед ним стоял тот же самый простой столик. Посуду и палочки Ван Цзюнь специально вымыл кипятком — Вэнь Жунь без возражений воспользовался ими, но есть полкурицы всё равно не мог.

— Ты же весь день трудился — и только крылышко? — Ван Цзюнь оглядел свою обновлённую палатку: походная койка стояла в углу, простой шкафчик — перед кроватью, на нём лежали его немногочисленные вещи. Всё остальное, что он берёт и не решался выбросить, Вэнь Жунь аккуратно убрал.

И теперь этого «всего остального» просто не было.

Ван Цзюню было немного жаль — вдруг эти коробочки ещё пригодятся? Но сказать Вэнь Жуню «не выбрасывай» он не посмел.

— Да я почти ничего не делал, — Вэнь Жунь смутился. — В основном только людьми командовал.

Ему всё же предстояло провести здесь ночь, так что он старался сделать всё как следует.

— Даже если и не делал, всё равно проголодался, — Ван Цзюнь снова попытался отдать ему куриное бедро.

— Ешь сам, правда, я много не съем, — Вэнь Жунь поспешно остановил его. — Если не осилишь — оставь. Неделю-другую не испортится.

Курица явно была куплена где-то заранее — варёная или копчёная, из тех, что продают на рынках.

— Ладно! — увидев, что Вэнь Жунь действительно не хочет есть, Ван Цзюнь аккуратно сложил его половину курицы. Свою же часть он завернул в чистый мягкий лотосовый лист, перевязал рисовой соломинкой и повесил кверху палатки — прямо рядом с солёным мясом.

Вот так они и поели. Но Вэнь Жунь зашёл в свою повозку и вынес оттуда чайник — свой собственный. Он насыпал туда пакетик чая, залил кипятком и теперь остужал заварку в грубой чашке Ван Цзюня.

Ван Цзюнь посмотрел на чашку:

— У меня тут посуда совсем простая... А чай у тебя, похоже, хороший.

— Конечно хороший — «Иглы горы Цзюньшань», — Вэнь Жунь протянул ему связку бумажных пакетиков, каждый граммов на пятьдесят. — Вот, возьми. Заваривай, когда захочется. Дома ещё есть.

«Иглы горы Цзюньшань», «Снежные почки Янсянь», «Зелёные вершины горы Маошань»... Всё это — подарки, полученные им от других людей. Он отобрал понемногу каждого сорта и собрал для Ван Цзюня целый чайный набор.

— Оставь себе, — Ван Цзюнь махнул рукой. — Мне тут не до таких изысков. Когда жажду, пью просто воду — и то зачастую сырую.

— Возьми, — настаивал Вэнь Жунь. — Пей каждый день... Освежает ум и бодрит дух.

На самом деле он хотел сказать «пополняет витамины», но вспомнил, что в древности о витаминах никто не слышал, и решил промолчать.

Когда они остались вдвоём, между ними повисло неловкое молчание.

Честно говоря, это был самый настоящий «неловкий разговор».

После этих слов беседа и вовсе сошла на нет.

Ели, ели, жевали курицу, пили чай.

Ужин закончился, а солнце ещё не село.

Посуду Ван Цзюнь сам унёс мыть. Вэнь Жунь воспользовался моментом и велел своим людям занести в палатку все его вещи.

— Хозяин, мы сегодня ночуем в соседней палатке, — сообщил Лю Сань. — Завтра утром поели — и сразу в путь домой.

На самом деле они очень боялись остаться в лагере на ночь, но выбора не было: вокруг —

глухая местность, негде укрыться. А если уйти сейчас, когда уже начался ужин, то далеко не уйдёшь, да и ночевать вблизи лагеря армии — ещё опаснее: командование точно не одобрит.

Поэтому решили оставить их на ночь в лагере, но с утра строго велено выдвигаться.

Задерживаться нельзя!

— Хорошо, не волнуйтесь, — успокоил их Вэнь Жунь. — Я сам переночую здесь, в палатке Ван Цзюня. Всё в порядке. Занесите и мой багаж.

Редкая возможность поспать на настоящей постели — Вэнь Жунь забыл обо всех условностях. Ему просто хотелось как следует выспаться.

Пусть повозка и удобна, но это всё же не кровать!

Багажа у Вэнь Жуня оказалось немало. Ван Цзюнь добровольно уступил ему кровать и сам устроился на полу. Благодаря уборке, которую устроил Вэнь Жунь, даже земляной пол теперь был куда комфортнее прежней походной койки.

А Ван Цзюнь, проявив заботу, распорядился вскипятить горячую воду. Все, кто приехал вместе с Вэнь Жунем, включая самого Вэнь Жуня, получили по тазикую горячей воды для мытья ног — такой горячей, что парило, но очень приятно.

Вэнь Жунь сидел на чурбаке у входа в палатку и парил ноги в своём собственном тазике.

Ван Цзюнь расположился напротив, тоже замочив ноги:

— Я велел вскипятить воду для всех. Обычно такого не бывает — генералы не разрешают, говорят, дрова жалко тратить.

— Вообще-то, вы можете кипятить воду перед тем, как пить, — Вэнь Жунь на мгновение замаялся, но всё же решил дать совет. — Это поможет избежать множества проблем: например, расстройства желудка. Особенно летом — если вода нечистая, можно подхватить разные странные болезни.

Вода в этих горных ручьях хоть и выглядела прозрачной и чистой, но кишела невидимыми бактериями и паразитами. Пить её сырой — верный путь к болезням.

С тех пор как Вэнь Жунь поселился в Ляньхуао, он активно пропагандировал кипячение воды, и теперь жители деревни уже не пили сырую воду. Даже если уставали до изнеможения — всё равно сначала кипятили воду, и за последнее время ни один ребёнок или взрослый не страдал от поноса из-за плохой воды.

Многие дети перестали быть хилыми и измождёнными от постоянной диареи. Говорили, раньше бывали случаи, когда ребёнок так сильно поносил, что просто истощался и умирал.

Это было страшно. Вэнь Жунь всегда очень бережно относился к детям, поэтому ещё давно запретил им пить сырую воду.

— И правда есть такая польза? — Ван Цзюнь почесал подбородок, уже обдумывая, как это можно применить.

— Конечно! Попробуй, — подбодрил его Вэнь Жунь. — Здесь же рядом горы, дров и сухостоя хватает.

— Но в армии не хватает людей! — вздохнул Ван Цзюнь. — У нас в котловой команде и так всё сократили до минимума. Если ещё и дрова возить, кто будет готовить? Еды тогда вообще не дождёшься!

Вэнь Жунь тихо сказал:

— Ты просто сам будь осторожен. Если совсем не получится — не обязательно внедрять это для всей армии. Это и правда слишком сложно.

Да, действительно сложно. В армии в эту эпоху... Лучше об этом не думать — а то Вэнь Жуню станет только хуже от злости.

Ночью Вэнь Жунь быстро заснул. Перед сном он зажёл благовония в своём маленьком курильнице — он всегда брал её с собой.

Аромат помогал успокоиться и отпугивал комаров. Ван Цзюню казалось, что жизнь Вэнь Жуня невероятно изысканна.

Эта маленькая курильница явно стоила немалых денег.

Он не мог точно объяснить почему, но чувствовал — всё в нём прекрасно.

Постельное бельё источало тонкий аромат, сам он был чист и опрятен, речь — вежливая и утончённая. Честно говоря, Ван Цзюнь весь день чувствовал себя неловко и стеснённо.

Больше года, проведённых в армии, изменили его — он уже не был тем наивным деревенским парнем.

Пусть и не превратился в закалённого «армейского волка», но уже привык грубо шутить,

материться и говорить вызывающе вольно. Однако, увидев Вэнь Жуня, он сам собой стал сдерживать язык, боясь сказать что-нибудь непристойное и рассердить его.

Не знал почему, но перед Вэнь Жунем ему просто не хотелось произносить подобные слова.

Сейчас они ночевали в одной палатке: Вэнь Жунь — на кровати, Ван Цзюнь — на полу.

Слушая ровное дыхание Вэнь Жуня и вдыхая лёгкий аромат благовоний, Ван Цзюнь вдруг подумал: «Вот он, мой побратим по клятве...»

В груди мелькнуло лёгкое волнение...

Ну, совсем чуть-чуть. Такой грубиян, как он, не стал бы об этом долго думать.

Когда он вернулся домой в прошлый раз, заметил, что в доме появилось много новых вещей — не успел даже разглядеть, что именно.

В ту ночь Вэнь Жунь спал крепко и спокойно.

А Ван Цзюнь ворочался и долго не мог уснуть.

На следующее утро, ещё до рассвета, он уже встал.

Тихо вышел наружу — в котловой команде уже разводили огонь и начинали готовить завтрак.

На этот раз можно было не экономить, но и особого изобилия не было.

Ван Цзюнь воспользовался своей небольшой привилегией и постарался сделать завтрак для Вэнь Жуня и его людей получше... Хотя «лучше» — понятие относительное.

Зато еда была чище, особенно рисовая каша — настолько густая, что палочка в ней стояла прямо.

Вэнь Жунь с улыбкой покачал головой:

— В чём разница с вчерашним ужином?

— Утро и вечер — вот и вся разница, — ответил Ван Цзюнь. — Такое вот у нас питание. Только если одержим победу — тогда да, будет тушёное мясо.

— Выпьте утреннего чая — и сразу в путь, — добавил он. — Не задерживайтесь.

Каждый лишний день здесь заставлял его тревожиться.

— Хорошо, мы сейчас же выезжаем, — Вэнь Жунь постучал палочками по краю маленькой палатки. — Всё, что привёз, я оставил тебе внутри.

<http://bllate.org/book/15642/1398106>